

База для убийства

Е.Ермак

Е. Ермак

База для убийства

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ермак Е.

База для убийства / Е. Ермак — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В жаркий летний день на берегу моря происходит убийство. Атмосфера летнего отдыха разрушена. Среди людей, окружавших жертву, нарастает паника. Убить мог каждый. Подозреваются все. Дизайнер обложки: Л.Ревенко

Дизайнер обложки – Л.Ревенко

Все события и герои являются вымышленными. Разве что только база, действительно, существует...

1.

Не знаю, почему это место мы всегда называли “базой”? Может, здесь раньше был дом отдыха или санаторий? Название, конечно, не слишком важно для истории, которая там произошла. Но определенно, имеет значение то, где находилась эта база. В какой части России? Что за люди населяют этот горный, непокорный, дикий и взрывной край? Какое кипящее море омывает эту вечно горячую часть суши? Что это за море такое жестокое, в волнах которого иной раз целая семья может сгинуть?

Семьи тут большие: пять-шесть детей не такая уж огромная редкость! Еще племянников с собой возьмем, друзей их прихватим – почему нет? Хороший солнечный денёк, выходной, чистая вода... Ну, как не окунуться? Кто знал, что именно сегодня, в этот самый час волна захотела жертвоприношение: массовое, обильное, со слезами, рыданиями и долгим болезненным послевкусием?

Пройдет какое-то время. И...

– А вы что не слышали? Так на этом месте в прошлом месяце столько народу затонуло! Это родственники Магомедовых, ну тех, с нашего села!

Когда все обменяются новостями и нагрызутся семечек, тогда можно уже нырять в том же месте, на ту же глубину. Зачем? – Ну, а почему нет?!

В этом краю ценится смелость безрассудная, ненужная, показушная. Ее уважают и восхваляют. Поэтому смертей здесь полно. Несчастных случаев не сосчитать.

Я не местная жительница, и могу ошибаться, но мне кажется, что отношение тут к смерти проще, легче. Мать лишается ребенка, но потом рождает еще и утешается. Отец теряет сына, а вокруг все по спине похлопывают: “Молодец, джигита воспитал!” И мужчина гордится. Вытирает мокрое от слёз лицо и пытается улыбаться.

Здесь хорошие красивые места, только сюда никто не ездит. Боятся. А мы с Ниной – студентки, москвички, мы ничего не боимся. Мы и поехали...

Нина – не обычная москвичка, кожа ее смугловатая, волосы густые, иссиние-черные жестковатые кудри. Глаза темно-карие. И неуловимый тонкий восточный налет в образе. Нина – москвичка в первом поколении. Ее родители приехали совсем молодыми в столицу. Родом они из той части российских земель, где большинство коренных жителей исповедуют ислам. В советские времена религия не так мощно туманила людям мозг, население республики охотно покидало свои дома и оседало в городах центральной части России. Родители Нины осели в Москве. И если у них ещё проскальзывали в разговоре гортанные словечки малой родины, то дочка с рождения изъяснялась на безупречном русском. Ну, может быть, некоторые слова и звуки Нине хотелось произнести резче, чем принято. Такой чуть глуховатый глубокий голос тоже привносил монеты в копилку ее непохожести на других коренных москвичей.

Во мне, наверное, до сих пор говорит зависть к ней, к Нине. Я признавалась ей в этом неприятном для меня чувстве, а она пыталась развеять, разбить мою зависть четкими фактами и аргументами. Но думаю, ей было лестно иметь в подругах ту, что завидует. Зависть приятно щекотала львиное самолюбие Нины.

На базе никто постоянно не жил. Туда совершали наезды: хозяин, его родственники, гости, просто нужные люди. Там гостили чаще летом, когда море и ветер тёплые.

База – это вовремя выкупленный участок суши прямо на берегу Каспийского моря. До его вод не надо идти “всего каких-то 5 минут”. База действительно омывалась морем. Два

длиннющих пирса, начинавшиеся на территории базы, уходили вглубь далеко от берега. А с других сторон базу окружали высокие бетонные стены, толстые, серые, неприступные.

Однажды стену, что соседствовала с общим между базой и маленьким элитным поселочком, пляжем покрыли белой краской. В стене была пробита металлическая серая дверь, всегда чуть ржавая от долетавших морских брызг.

Вид – фантастический! Синее небо, ниже – белая длинная стена, а в ней – узкая дверь. Дверь открываешь, в прорубленном прямоугольнике плещется море. Когда ветер был сильный, а на базе он любил показать себя во всю мощь, мы с трудом открывали эту дверь. “Дверь в никуда”.

За нею находилась тропинка, каменистая, покрытая лёгким слоем жёлтого песка. Ее окружали колючие растения, что царапали наши ноги, когда мы возвращались с моря на базу. Тропинка переходила в черные, крупные камни, словно ступени, вымощенные силой природы. По ним было удивительно удобно ходить, такие они чуть пористые, словно старая пемза, приятные наощупь.

Пока один умник с базы нам не сказал, что в дырках этих камней живут змеи, мы наслаждались, ступая по камням. Позже я осознала, что этот умник скорее всего соврал. Может, и встречалась кому змея в этих камнях, но только это было единожды за последние сто лет. Своей байкой он подорвал наше слепое доверие к берегу, наше преклонение перед этим удивительным чудесным местом. До сих пор простить ему не могу.

Но первое время мы с Ниной чувствовали себя детьми стихии, морскими русалками. Пляжик часто бывал безлюдным. Казалось, он принадлежал нам двоим. Воздух и вода имели почти сходную температуру. Мы шли по желтому песку, с проклюнувшимися на поверхность черными валунами, а море мягко хлестало нас по ногам, заигрывало с нами. Волны в азарте подпрыгивали, окатывая иной раз с головой. Мы прогуливались и изучали пляж, пустующие дома местных богачей.

Когда жара слишком донимала нас, мы, не снимая футболки и шорты, забегали в воду. Тут же клубящиеся охлаждающие потоки обнимали нас словно сильными и нежными руками. Через пару минут в облепившей тело одежде мы выходили из воды и продолжали путь. Футболки мигом высыхали от ветра и солнца. Волосы у меня стали за каких-то два-три дня почти белыми, у Нины – из жёстких кудрей превратились в пушистые, волнистые.

Каспийское море чудесно. Я его тогда полюбила именно на базе. В городе оно другое, но все равно любимое.

Почему мы редко ходили на пляж, который был на самой базе? Ну, во-первых, вместо песка здесь в некоторых местах были бетонные ступени, уходящие в море. Тем, кто плоховато держится на воде, удобнее ощущать под ногами песочное дно, а не ступени. А, во-вторых, мы были всегда под прицелом камер видеонаблюдения, которые находились по периметру базы.

Конечно, мы знали на 99 процентов, что охранники на базе все или женатые, или слишком верующие, чтобы подглядывать за нами. Но... Оставался один процент. И так, главный по базе, Абдул недобро косился на наши футболки с шортами. Не принято в этой части России взрослым девушкам одеваться так. Здесь, даже в самую жару, на женщине увидишь длинную юбку, а на голове у многих весьма искусно завязанные платки. Это целая наука – повязать платок. Чтобы конструкция из ткани хорошо держалась на волосах, в ход идут шпильки, булавки. А для того, чтобы под платком волосы казались гуще, здесь придумали невинную хитрость. Делается пучок и укрепляется объемной резинкой. Волосы под платком кажутся пышнее раза в два.

Хотя у местных девушек локоны сами по себе густые, сильные, великолепные. Коротко стриженные тут – это небывалая редкость. Стрижка допускается детям или женщинам, молодость которых пришлось пережить на годы существования СССР.

Нина иногда гостила у своих бабушек и дедушек, которые также проживают в горных районах нашей огромной страны. Поэтому ей не была в диковинку страсть местных женщин себя украшать. Но для меня их обычаи стали откровением настолько, что я иногда сомневалась, а мы – в России?

Но вернёмся к базе. И ее главному зданию. Это – башня, в ней останавливался только сам владелец базы. Снаружи она была покрыта плитами желтоватого цвета, из какого-то специального металла, поговаривали, что пуленепробиваемого. Башня не слишком высокая, однако почему-то так получалось, что мы с Ниной видели ее всегда, где бы за пределами базы не находились.

Внутри башни мы не бывали, но полагали, что там роскошно. Если уж все остальные здания на территории выглядят как картинки из модных журналов, то башня точно удалась как снаружи, так и внутри.

Спросите: а что это мы с Ниной забыли там, у Каспийского моря? Мы приехали подзаработать за лето уборкой пустующих зданий на территории базы. Хозяйский племянник весьма близко знаком с Ниной. Он нас туда и позвал. Я ехала за длинным рублем, а Нина – за совмещением приятного и полезного. Приятным был, понятно, хозяйский племянник.

Только лето обернулось для многих участников этой истории совершенно неожиданно. Я бы сказала убийственно непредсказуемо.

Хозяин был жёстким человеком, сумевшим самостоятельно выбить своё личное место под солнцем, причем не только для себя, но и для своих многочисленных родственников. Личностью он был обаятельной, обладал красноречием, находчивостью и трудолюбием. Он заслужил своё право на базу. А она была лишь крупинкой среди его имущественных достижений.

Хозяйского племянника звали Карим. Он обладал всеми достоинствами своего уважаемого дяди и плюс к этому был красив, не смазлив, а именно по-мужски притягателен. Но минусом в его характеристиках была лень, ни о каком дядином трудолюбии в случае с Каримом речи не шло. Нина любила его сильно, гораздо сильнее, чем он ее. Моя подруга, несмотря на свои кавказские корни, москвичка. Как бы Нина не покорялась Кариму – все недостаточно, все не так, как настоящая горянка.

В Москве Карим и Нина познакомились. Там началась их любовь. А расцвела она и приобрела мрачные краски на базе, в то самое лето.

В наши обязанности с Ниной входила чистовая уборка после ремонта трёх домов на территории базы. Каждый из этих трёх домов предназначался для родственников хозяина. Эти здания пустовали, в них никто не жил, но они должны были быть убраны и готовы к возможному приезду родственников.

Абдул – смотритель базы, велел нам начать с самого маленького домика. И мы в первый же день приезда на базу зашли взглянуть и оценить тот объем работ, который нам предстоит проделать.

Домик двухэтажный, покрыт светло-зеленой краской, с витой металлической лестницей снаружи и романтическим балкончиком. Балкончик выходит на море.

– Когда мы освободим этот дом от мусора, приедет Карим и мы проведем здесь ночь, – безапелляционно заявила Нина.

– А он приедет? – спросила я, подразумевая “а он приедет один?”

– Естественно.

Сзади раздалось кряхтение и позвякивание перебираемой связки ключей. Абдул, мужчина лет 60 с благородной сединой в бороде, наконец догнал нас. Он вставил ключ в замок на боковой двери домика, и мы вошли.

– С центрального входа не шлепайте, – с характерным восточным акцентом произнес Абдул, – и, вообще, поменьше гуляйте по базе, когда хозяин приезжает.

– А когда он приедет? – спросила я, глядя в его, казалось бы, добродушное лицо, но непроницаемые глаза с хитринкой.

Я позже поняла, что народ тут гораздо сложнее, чем хочет казаться.

– Мне хозяин не докладывается, дочка, – проворчал Абдул. Несмотря на то, что он был доверенным лицом владельца базы, многое ему, действительно, не сообщалось. Стиль общения хозяина со своими подчинёнными был непередаваем, необычен для непосвященного человека.

Вот пример. У одной из стен располагались клетки для собак, большие такие просторные, с будками внутри, но всё же клетками. В первой клетке обитал очень породистый, крупный и сильный пёс. Я не разбираюсь в породах, но скажу я вам, в эту клетку я ни за какие коврижки бы не сунулась.

Пёс был чрезвычайно мохнатый и, возможно, даже была бы белоснежной его шерсть, если бы за ним ухаживали, как положено. Мощь лап внушала людям опасения, не смотря на то, что псина заперта в клетке. Но самым ужасным был взгляд этого пса. Да-да, именно взгляд его черных маленьких глазок.

Он смотрел на вас будто существо из преисподней, и при свете дня, уже молчу о ночи, лишний раз мимо его клетки никто не хаживал. Звали пса почему-то Степан. Как я уже сказала, за собакой плохо следили, не прививали, витамины не давали, хотя стоил Степан немало.

Дело в том, что в этом крае собаку считают не слишком чистым животным. Собак в квартирах держать не принято, ухаживать за ними тоже. Так вот однажды Степан издох, и, как на беду, случилось это в день приезда хозяина.

– Абдул, что тут у тебя, все в порядке? – спросил владелец после обмена приветствиями.

– Все хорошо... – прошелестел смотритель.

– А чего мнешься, случилось чего? – хозяин был очень наблюдательным и чувствовал фальш.

– Степан издох.

– Да, лучше бы ты сдох, Абдул, – сказал хозяин и приобнял смотрителя за плечи.

Поговаривали, что Абдул после его слов сильно пал духом. Но после выплаты вознаграждения за свои труды по хозяйству приободрился.

Никто не мог тут таить горечь на хозяина, ведь он был для них хлеб и соль. Все охранники базы, садовник, Абдул, их семьи были хозяином денежно обласканы. А то, что общался он с ними свысока, так ему положено. Кто они? И кто он? На Кавказе безоговорочным уважением пользуется человек, многого добившийся и помогающий другим своим землякам. К такому обращаются за помощью, за справедливостью совсем отчаявшиеся люди. И помощь им оказывается, конечно, если они сумеют пробиться сквозь толпу охранников и телохранителей.

На базе был целый штат охранников, состоящих из неслучайных людей. Это были либо дальние-дальние родственники родственников, либо те самые отчаявшиеся, которым однажды помог хозяин. В общем, любой из этих охранников посчитал бы честью для себя защитить владельца базы или члена его семьи.

Охранник дежурил сутки, потом его сменял другой. В их жилище, что примыкало к воротам базы находился монитор с камер видеонаблюдения. Тех самых, которых мы с Ниной в наших коротеньких шортах опасались.

Жилище охранников – это первый подъезд длинного выкрашенного в слепящий белый цвет двухэтажного сооружения. На первом этаже была огромная кухня, большой зал с длинным столом и кучей стульев и диванов. В зале обычно останавливалась целая свита хозяина, приезжавшая с владельцем базы и охраняющая его.

На втором этаже было несколько комнат, в каждой из которых находились душевая и туалет. В одной из таких комнат жили мы с Ниной. С первого этажа на второй вела наружная лестница, и каждый вечер поднимаясь по ней к себе в комнату, мы останавливались и завороченно смотрели сверху на темное беспокойное море под огромной жёлтой луной.

Темнота была словно живая, слышался стрекот кузнечиков или саранчи, раздавались шорохи в сухой траве, иногда пробежал ёжик. Однажды мы встретили его среди белого дня и попытались поймать. Как же он шипел, защищаясь! Вел себя, как дикая кошка. Я боялась, что он нападет на нас и укусит. Пришлось оставить эту затею. Тем более, что работы у нас было выше крыши!

Мы вставали рано, хотя я лично считаю себя злостной совой! Но только утром можно быстро работать, потому что ближе к обеду становилось слишком жарко, и мы что-то делали, скорее, по инерции, без результата.

– Как вареные мухи, – выдал нам своё мнение Абдул, – замуж кто вас возьмёт! Жена должна быть работающей!

– А что ещё должна жена? – вяло поинтересовалась Нина, вытирая пот со лба.

– Рожать много, мужа уважать, родню его! Традиции чтить! Вот ты Нина, хоть и не местная, но вижу, что наша, пост держишь?

– А?! Целый день не есть ни пить и так целый месяц? Нет уж увольте!

– Эх, родителей бы твоих выпороть, москвичка! – усмехнулся Абдул.

Мы переглянулись с Ниной, и она мне подмигнула. Нина – страстная натура, у нее было много романов. Каждая любовь, как последняя. Но с единомышленником роман случился впервые. Карим – не москвич в отличие от Нины. Он образован и очень обаятелен. Благодаря своему дяде, Карим обеспечен и может проживать там, где ему вздумается.

Он настолько обласкан матерью, сестрами, насколько, вообще, на его малой родине это возможно. Здесь, где он родился, принято носиться с мальчишками, давать им лучший кусок и внимать их речам. Чтобы не лепетало дитё мужского пола, женщина прислушивается, особенно в отдаленных горных сёлах.

Карим привык к такому отношению, избалован. Но поскольку он умен, то его не удивляло отношение к нему москвичек. Такого почитания мужчин, которое он видел в родном селе, в мегаполисе не встретишь, особенно среди славянок.

Я помню, однажды Карим заехал к Нине на роскошной машине. Мы вышли из квартиры и сели к нему в автомобиль, чтобы покататься немного по ночному городу. Я видела тогда Карима впервые и совершенно не обратила на него внимания, так как переживала на тот момент какую-то свою личную драму. Он лез из кожи вон, чтобы я заметила его. Правда, я об этом даже не подозревала.

Нина мне потом рассказала, что он хотел вызвать ее ревность. Что ж, возможно, но я думаю, ему хотелось, чтобы его заметила именно славянка, белокожая и холодноватая. А Нина была для него своя, хоть и москвичка.

В любви к Кариму высветилось то, что у горянок, даже давно и прочно живущих в мегаполисе, навечно циркулирует в крови. Нина зависела от него сильно, от его настроения, от его внезапно возникающей грубости. Карим стал ее наваждением.

У меня тоже случались подобные чувства в юности, но слава богу, потом они благополучно умирали. И я рада, что Карим не пытался соблазнить меня. Я всегда опасалась влюбляться в таких роковых персонажей потому, что для меня Карим слишком крепкий орешек. Хорошо, что он достался Нине. Бог воистину посылает ту ношу, которая нас не ломает. Нине ее бог послал Карима. Им на роду было написано встретиться.

Незаметно пролетели первые дни нашего пребывания на базе. Мы уже видели всех охранников, что поочередно сменяли друг друга. Многие из них относились к нам довольно безразлично, не выказывая практически никаких чувств. Они вежливо с нами здоровались и поддерживали разговор из двух-трех фраз о погоде или бытовых проблемах.

Был один стеснительный охранник, который лишним раз старался не вылезать из своей конуры, пока мы были у него на виду. А ещё один, полноватый и в очках, либо был глуховат, либо специально нас игнорировал. С ним здороваешься, а он делает вид, что не слышит. Нина

продолжала свои попытки его разговорить, а мне была неприятна его тишина, поэтому, если я шла ему навстречу, то я тоже не здоровалась.

Потом я узнала, что этот мужчина является отцом больного ребенка, инвалида, не помню, с каким заболеванием. И тогда меня перестало обижать его безмолвие, независимо, чем оно было вызвано. Может, он презирал нас за то, что мы ведём себя не так, как принято в его мире. Это уже были не наши проблемы...

Ещё мы познакомилась с садовником и одновременно подсобным рабочим, который должен содержать базу в опрятном виде. Его звали Халид, он был ленив и огромен. Его нежелание работать я отлично понимала. Иной раз солнце так нещадно палило или ветер сшибал с ног, что не хотелось ни то, что убирать в клетках собак, а просто выходить за дверь.

Круг обязанностей Халида был довольно широк. Ему нужно было периодически мыть башню из огромного шланга, выпалывать единственную, зато весьма не маленькую по площади клумбу, чистить бассейн. Но вместо этого Халид предпочитал большую часть своего рабочего времени проводить в режиме сиесты.

Иногда он, действительно, спал в прохладном полумраке столовой на первом этаже гостевого дома. Пару раз мы с Ниной заходили туда в середине дня переждать самые знойные часы и заставали там забывшегося здоровым сном Халида. Случалось, что он играл в нарды с кем-то из охранников, с Абдулом. Или они вместе долгие часы смотрели телевизор.

Но что с ним происходило, когда приезжал хозяин! Халид превращался тогда на несколько дней в отменного работника. Мы с Ниной не успевали следить за его перемещениями по базе. То в одном месте, то в другом мелькала его белая футболка, облепляя мощную спину. Халид поливал из шланга клумбу с полумертвой растительностью, наполнял уличный бассейн морской водой и тщательно вычищал водную гладь от водорослей.

А владелец базы, видимо, удивлялся, какой достойный у него работяга, но все равно не справляется. И самолично вызывал профессиональные клининговые службы, которые отдраивали башню изнутри и снаружи.

Но тем не менее, база после своего возникновения с каждым годом приходила в упадок. Зарастала сорняками клумба, трескался асфальт, клетки с собаками источали зловоние жаркими летними днями.

Хозяин во время своих приездов замечал меты времени, давал распоряжения Абдулу и деньги на их воплощение. Часть средств смотритель базы естественно прибирал к рукам, а то, что оставалось он платил не самым усердным работникам. Например, Халиду или нам с Ниной. На профессионалов у Абдула денег уже не хватало. Конечно, у него трое дочерей незамужних. Каждой нужно на приданое собрать.

Здесь принято начинать копить на кухонный гарнитур чуть не с рождения дочки. Ещё я слышала, как местным невестам “собирают чемодан”. Это когда покупают ей наряды и просто новые вещи, складывают их и одевают только после замужества.

В общем, Абдулу было куда тратить выделяемые хозяином средства. Фрукты и овощи смотритель базы закупал такого качества, что, если их не съесть сию же минуту после покупки, то позже лучше не рисковать. Поэтому свита, сопровождающая хозяина в его поездках, частенько отчитывала Абдула за такое гостеприимство. Владелец базы и его дети с женой кушали в башне еду, приготовленную личным поваром. Они и знать не знали, что за продукты покупает Абдул для охранников.

Хотя выросший в этих краях сам хозяин базы не удивился бы. Здесь процветает лёгкое воровство, лень, лукавство и средневековая мораль. Но при всех своих недостатках Абдул предан хозяину, о чем они оба прекрасно знали. Родившиеся в одном селе, примерно одного возраста, владелец базы и Абдул были крепко связаны тончайшими нитями. Вполне возможно, что они друг другу даже приходились дальними родственниками. Здесь у каждого второго кто-

то кому-то кем-то приходится. Семьи большие, села в горах обособленные, находящиеся друг от друга иной раз в нескольких днях пути.

Мы с Ниной однажды разговорились с местной девушкой, которую встретили на пляже за дверью базы. Первый ее вопрос лично меня поставил в тупик:

– Кто ты по нации? – звонким голосом спросила она меня, видимо принимая Нину за свою, а во мне сомневаясь.

– М-м-м, э-э-э, ну, наверное, я славянка, – ответила я.

Мы долго втроём прыгали в волнах разбушевавшегося моря, имевшего цвет зеленоватого бутылочного стекла. Причем я и Нина были в купальниках, а девушка в длинном платье и косынке.

– Тебе удобно в одежде нырять? – спросила Нина после того, как голова девушки в очередной раз показалась из воды.

Мы, вообще, не ожидали такой прыти от нее, такого мальчишеского хулиганского задора. Ей было лет 15, звали ее Паризат.

– Мне было бы неудобнее в твоём купальнике, – с ноткой высокомерия ответила девушка.

– А платок на голове зачем? – не отставала Нина.

– Если кто увидит, что я без платка, тут же в селе моем узнают. Мама и поколотить за это может. Я здесь в гостях у родственников будущего жениха. У нас с ним общие родственники.

– Как так? Он твой брат?

– Да, – весело ответила она, – я теперь засватанная!

Мы с Ниной переглянулись.

– Ты хочешь выйти замуж за родственника?

– Он же не родной мне брат. Если бы мы вместе росли, конечно, я бы не хотела за него идти. А так мы друг друга почти и не видели никогда. Мой жених такой красивый! – Паризат счастливо улыбнулась, – я очень хочу побыстрее замуж, пока ещё молодая.

Я почувствовала, как Нина опять вскинула на меня глаза. Молодая! Пятнадцать лет! Замуж! Ещё совсем ребенок! А потом беременность, роды, беременность, роды и так до тех пор, пока ноги носят.

Зато они не работают! Эти женщины из горных селений... Ну да, можно и так сказать, официально ни на какого чужого дядю они не работают. Но, у них бы сил не хватило и времени, чтобы ещё где-нибудь работать, кроме дома! Весь дом на них. В столицах тоже женщины тянут домашний быт, часто в одиночку.

Только здешним “счастливицам” не помогает стиральная, посудомоечная машина и пылесос с микроволновой печью. В сёлах многое делается по старинке: вода с колодца, газ в баллонах, веник в руки и вперёд.

Нина, когда от родственников приезжает, валится с ног. Говорит, что с кухни она выползла поздней ночью. Готовка, мытьё посуды, готовка, мытьё посуды. Водопровода в доме нет, мыли в тазу. Тяжело, еда жирная, много мяса. Не успели женщины со стола убрать, пришли гости взглянуть на столичную жительницу. Гость – это дорогой человек. Нина хочет спать уже давно, но нельзя уйти, нужно предлагать кофе и вежливо разговаривать. Нельзя сослаться на усталость. Тонкий намек на то, что гость задерживается, будет оскорблением.

Поэтому Нина старалась пореже навещать малую родину своих родителей. Особенно, когда стала старше. Подростком ее не так сильно нагружали бытовыми хлопотами. Нина рассказывала мне о ледяной горной речке с изумительно голубой цвета неба водой. Она стремительно пересекала раскалённую сухую каменистую почву, но купаться в ней было нельзя – слишком мелкая.

Какое разочарование для детей, краснокожих от солнца. Но хоть ноги можно намочить. А отчаявшиеся детишки вместе с Ниной ложились в речку всем телом, рискуя заболеть от переохлаждения.

Другое дело здесь, на берегу Каспийского моря! Теплая бурлящая вода сегодня назавтра сменялась прохладной, спокойной настолько, что видно было мелкую рыбёшку. А однажды мы пришли на пляж и не узнали его. За ночь море продвинулось далеко вперёд на берег, будто желая захватить его. Жёлтый песок под хмурым небом превратился в оранжевый. Порывы ветра поднимали в воздух песочную пыль.

Мы потом долго с Ниной вычищали песок из волос. Я – из своих светлых длиной до лопаток, Нина – из своих смоляных волнистых. Нина была экзотически красива. Смуглая, с аккуратным носиком и полными губами она среднего роста, с изящной шеей и тонкой талией. У Нины широкие бедра и тяжеловатые ноги. Но зато ступни маленькие, хорошей формы.

А я – белокожая, с прозрачными серо-зелеными глазами, всегда критически приподнятыми тонкими бровями. У меня лицо хорошей разборчивой девочки. По-крайней мере, раньше таким было...

– Нина, знаешь, чем горянка красива? Тем, что в ее внешности всего два оттенка: черный и белый. Кожа и волосы.

– И что здесь красивого? – не поняла меня она.

– Четкость линий! Никаких полутонов, строгие черты, контраст. Глаза резко выделяются и кажутся больше, потому что они темные и ресницы черные!

– И что?

– А то, что я, если одену черный парик и накрашу брови, вообще исчезну, как блеклая мышь! Нос, губы, всё потеряется!

– И чего ты горячишься! У местных своя красота, у тебя своя... – примиряюще сказала Нина.

А чего я и вправду так завелась тогда? Может, захотелось такой же судьбы, как у местных девушек? Ничего решать не надо, карьеру строить не надо, учиться после школы не надо. Главное, вовремя и правильно выйти замуж. И то, большая часть этой задачи решается родителями. От тебя требуется только послушание, покорность. Старшие лучше знают, что надо молодежи.

На самом деле всё медленно, со скрипом меняется, особенно в крупных городах. Девчонки выскакивают замуж, обзаводятся детьми, но внезапно оказываются брошенными мужем. И тогда им приходится в чем-то даже тяжелее, чем разведённым москвичкам. Потому что осваивать роль работающего человека, когда ты полжизни провел дома, обхаживая мужа, очень нелегко.

Консервативное общество тоже косо смотрит, если дети твои в саду, а ты вынуждена работать. Понятно, что мужчину, оставившего семью, будут осуждать все, но бывшей домохозяйке от этого не легче.

Даже если муж имеет небольшой доход, чаще всего он предпочитает, чтобы жена была дома и занималась исключительно хозяйством.

В этот день ничто не предвещало беды. Я совершенно не ощущала запах грозы в воздухе, может, потому что была поглощена своими мыслями и наблюдениями за местными жителями.

По выходным Абдул на стареньких «Жигулях» вывозил нас в город, где я жадно приглядывалась к особенностям бытовой жизни горожан. Я подмечала яркий макияж глаз и, как правило, отсутствие губной помады на тщательно обработанных тональным кремом юных девичьих лицах. И без того черные густые брови частенько подрисовывали со страстью маньяка. Длиннющие густые волосы и непременно торчащие полусклеенные от туши ресницы завершали образ. В ходу были юбки в пол и туфли на платформе.

Я с недоумением глядела на вывешенные в витринах короткие платья и джинсы. Кто же их носит тут, зачем сюда завозят европейские коллекции, когда люди покупают на рынке эти свои летящие юбки? Изредка я видела в городе девчонок в современной одежде, но это капля в море. Которая, впрочем, привносит медленно, но верно свои изменения в местную моду.

Мы сидели с Ниной в кафе на четвертом этаже торгового центра и смотрели вниз на шумную улицу. Я заказала себе кофе и мороженое, а моя спутница – чай. Слышалась современная музыка в сопровождении звона посуды и болтовни официантов.

– Я больше не могу ждать! Вот возьму, и позвоню ей! – возмущённо произнесла Нина, будто продолжая с кем-то спорить.

– И чего ты этим добьешься? Я сразу поняла, о чем она говорит.

Мы же спим в одной комнате, целыми днями вдвоем бок о бок убираем дом на базе, едим вместе, молчим вместе. Я чувствую ее, она – меня.

– А мне всё равно уже... Пусть ей будет так же больно, как мне.

– Нина, ей уже не будет больно, ты же сама это знаешь, ну! – сказала я.

Когда Нина в таком бешенстве, мне становилось страшно. В такие моменты я, аккуратно подыскивая слова, общалась с ней нарочито спокойным тоном. Словно на минном поле, в любую минуту и от любого неведомого мне слова она могла взорваться. Я боялась вызвать огонь на себя. Ей ничего не стоило довести меня до слез своими рублеными и бескомпромиссными фразами.

Однажды ещё в Москве, Нина не выдержала разлуки с Каримом и заявила к нему домой. Его законной жене она заявила, что является любовницей Карима. Помимо этого, Нина предложила делить между ними любовь и внимание мужчины.

– Господи, вот ты Нина, отчаянная! И что она ответила тебе?

– А ничего. Сидела и плакала, а потом и я с ней, – призналась она.

– Жена его симпатичная? – мне стало интересно.

– Да, красивая, молодая, из хорошей семьи. Из его родного селения. У них есть сыновья и маленькая совсем дочка.

Но я знала уже об этом. Две красавицы делят одного мужчину. Кто-то из них встретился в его жизни раньше... Командует парадом та, что опередила.

Стройный официант в белой рубашке и черном жилете принес наш заказ. Мороженое сильно подтаяло, а чай у Нины расплескался по блюду ржавой лужицей. Сколько раз мы сюда приходили, всегда что-то нам было не так.

То мы оказывались за столиком, который не успели протереть или на нем не было салфеток, то заказ перепутали. Хотя в зале этого кафе посетителей обычно не густо. Путать не с кем. Халид с базы всегда посмеивался над нашим недовольством:

– А чего вы хотели! Если к вам подошёл официант, уже хорошо! Это вам не Москва!

– Это потому что мы женщины? Без сопровождения мужчины? – меня искренне возмущало такое положение вещей.

Подобное официальное отношение к женскому полу было непривычным. Я несколько раз наблюдала семейную пару на базе.

Мужчина приходился дальним родственником то ли хозяину, то ли Абдулу. И поэтому в жаркие дни мог беспрепятственно привозить своё семейство искупаться. Я вспоминаю. Глава семьи одет в белую наглаженную рубашку и черные брюки. Мокасины его лоснятся от чистоты и блестят на солнце. Он вышагивает в направлении моря, важно пересекая территорию базы. Выкидывает вперед длинные худые ноги.

За ним спешит женщина, хрупкая и невысокая. Жена. На ней чёрное платье по шиколотку с длинными рукавами и косынка на волосах. Прическа из длинных густых волос скромно называется “пучок”. Женщина согнулась вправо под тяжестью огромной черной сумки, которую она несёт. Там еда для мужа и детей, их полотенца, плед и, возможно, ее купальник. Хотя я в этом сомневаюсь. Ведь на купание приехала не она, а ее муж и дети, семенящие за ней.

Два мальчишки и девчоночка, совсем крошка. Она держится за подол маминой юбки и смотрит себе под ноги, чтобы не упасть и не рассмешить братьев своей неловкостью.

Я отвлеклась от разговора, представив ту семью на базе. Нина сидела напротив меня в кафе, выпрямив спину. Напряжённая, строгая, будто она – жена Карима, а не любовница ему. Мне так и хотелось ей сказать, что Карим не ценит ни жену, ни Нину. Наверняка проводит время ещё с кем-то. Но я не могла портить с ней отношения.

Впереди половина лета, мы будем жить вместе на базе. Нам предстояло убрать ещё целый дом. Вычистить его после ремонта, придать жилой вид дорожке, но пыльной мебели. Зачем мне с ней ссорится? Я не скандальный человек. После споров на повышенных тонах мне будет тяжело общаться с Ниной.

Я посмотрела на нее. Чай свой она давно выпила. Выглядела Нина несчастной. Как брошенный доверчивый щенок.

– Нина, а когда он обещал приехать сюда? – осторожно спросила я.

– Черт возьми! Сразу! Он собирался приехать сразу, как мы прибудем! Ненавижу его! – ее глаза блестели от злых слез.

– Может, он вместе с охраной хозяина прилетит? – сделала я последнюю попытку успокоить ее.

– Может, и так... Я бы хотела порвать с ним. Карим совсем меня не уважает! Но пока не могу! Ты не можешь меня понять!

– Почему это?

– Да потому, что ты никогда не встречалась с мужчиной, хоть каплю похожим на Карима! Ты же знаешь, перед ним не устоять! – Нина говорила громко.

Даже официант, занятый тем, что складывал ламинированные листы с напечатанным меню в ровную стопку, отвлекся от своего важного дела.

– Конечно, я всегда встречаюсь с убогими парнями, которые и рядом с твоим великолепным Каримом не стояли! Это ты хочешь сказать? – мне было обидно от того, что я считала ее правой.

Нина сощурилась и ехидно произнесла, вероятно, очень довольная собой:

– А что? Разве я ошибаюсь?

После ее слов мне хотелось вскочить, плеснуть остатками своего кофе ей на блузку и удалиться из этого кафе. Из ее жизни. Но не с базы.

Я любила это место всей своей неизбалованной южными щедротами душой. Море стало моей манией.

Уезжать сейчас? В мои планы это не входило. Поэтому я, удержав обиду трясущимися губами, сказала:

– Может, ты права. Я не выбираю себе в ухаеры таких блестящих мужчин, как твой Карим... Только, если бы я влюбилась по-настоящему, меня бы не удержала моя рассудительность!

– Ну, это все лирика, – Нина запустила в волосы пальцы и склонилась над своей чашкой.

Вся ее воинственность и самодовольство испарились. Она снова стала жалкой. Минутный всплеск ее себялюбия улетучился. Даже то, что она, образно говоря “почувствовала себя красивой на фоне невзрачной серой подружки”, не принесло ей радости.

В нашей дружбе давно намечалась подобная червоточина. Только поначалу Нина и я были искренними до конца. Постепенно несоответствие характеров стало удручать. Однако мы до сих пор считались подругами и иногда помогали друг другу справляться с проблемами.

Мы покинули кафе. Абдул велел нам спускаться вниз, так как свои дела в городе он закончил. На втором этаже торгового центра был довольно протяженный неплохой книжный магазин.

– Зайдем на минутку? – спросила я Нину.

– Ты иди. Мне что-то не по себе. Тошнит. Я в машине тебя подожду.

Нина пошла дальше вниз по ступеням, а я зашла в магазин. Я бы предпочла зайти сюда вместе с ней. Она всегда придавала уверенности мне, умело отшивая консультантов с их дежурными вопросами.

Напрягал их оценивающий холодный взгляд. А денежный ли я покупатель или просто зевака? Без денег в магазин мне заходить неудобно, даже если я точно знаю, что куплю определенный товар позже.

Поэтому я восхищалась поведением Нины. Эта чертовка, с грошом в кармане будет мерить дороговую шубу, крутиться перед зеркалом, засыпать консультанта вопросами. Главное, получать от этого удовольствие, прекрасно понимая, что покупать не намерена. И у меня такое подозрение всегда было, что консультант знает о неплатежеспособности Нины. Но он тоже получает радость от ее обслуживания.

Слава богу, в этом книжном на меня никто не накинулся, и я спокойно начала изучать выбранную полку с классическими детективами. Удивительно, тут было на что обратить внимание. И я как всегда столкнулась с тем, что книг много, имена авторов манят, а открываешь – не цепляет. Чтобы понять, стоящее ли это произведение, нужно хорошо вчитаться. Но перед глазами встаёт Абдул, ворчащий и поглядывающий с нетерпением на выход из магазина. Поэтому я хватаю три книги с особенно звучными названиями и спешу к кассе.

За кассой работает бойкая девушка в черном хиджабе. Она успевает шутить с охранником, обслуживать очередь и с кем-то разговаривать по телефону. От девушки в подобном головном уборе ожидаешь большей серьезности. Но это только несведущий может удивляться несоответствию внутреннего и внешнего. А я внутренне аплодирую!

Хиджаб – это отличная маскировка и свобода для местной женщины. Ты можешь вести себя смело: смеяться, разговаривать с мужчиной, спокойно отстаивать свою точку зрения. Ты под защитой хиджаба! Тебя никто не тронет. Нельзя обижать порядочных женщин.

Ещё ношение хиджаба может ускорить наступление замужества. Считается, что девушка в этом головном уборе скромна и послушна. Такая жена нужна.

Я оплатила книжки из своего скудного дохода. Нам с Ниной обещали платить за работу здесь как минимум на треть больше. Однако Абдулу нужно выдавать замуж троих дочек. Он не мог пропустить наш заработок, не попытавшись присвоить себе часть. Это как налог. Как маленькое необходимое зло.

Зато смотритель базы нас приглашал в гости. Наверное, мы были экзотичными для его семьи. И нашим присутствием он развлекал свою младшую дочь, нога которой была закована в гипс. Так случилось, что на девушку наехала машина.

– Как же такое могло произойти? – спросила Нина дочку Абдула. Мы сидели в креслах напротив кровати, где среди подушек в полусидячем положении находилась хрупкая смуглая девушка.

– А вы не удивляйтесь, – тихо произнесла она, – такое часто у нас бывает. Лихачи... Я стояла с папой на остановке. Ждала автобус. Молодой дурачок без прав даже. На скользкой дороге его занесло. Дождик прошел.

– Ужасно!

– Хорошо, папа рядом был. Он поднял машину, и я смогла вылезти из-под нее. И гипс скоро снимут. Всё могло кончиться гораздо хуже.

– Поднял машину! Богатырь! – восхитилась Нина.

– Папа очень переживает. Бойтся, что я хромать буду. Замуж не возьмут, – проговорила девушка.

– А ты? Переживаешь? – поинтересовалась я, оглядывая хорошо обставленную комнату и застеленный отличным ковром пол.

В многочисленных просторных комнатах дома у Абдула царил уют и порядок. Все женщины его семьи не работают. В таком большом доме прибираться нелегко.

– Я – младшая. Это моим сестрам пока надо переживать. Если старшая долго засидится, то нам со средней сестрой меньше шансов вовремя выйти замуж. Хадиже неприятно будет нам судьбу портить... – объясняла девушка.

Ну, в общем, можно сказать, что нам с Ниной тоже знакома такая позиция. Если засиделась в девках, то, вероятно, имеет изъян... Конечно, это всё строго индивидуально, но... Но в целом, такая позиция никуда не исчезла. А уж в таком горном крае средневековые понятия цветут буйно.

Чего стоят только девичьи перешептывания о том, что кого-то украли. Вот как это понять? Человек покоряет космос, а девчонку в городе затолкали в машину и украли! Как вам это нравится? Кстати, если девчонка была бы в хиджабе, ее бы не посмели похитить. Слишком много людей это бы осудило. От семьи “вора” отвернулись бы почтенные мусульмане. “Вор” всегда трусоват. Не пошёл бы на такой шаг.

А девушке без хиджаба не так страшно жизнь испортить. Вот такие тут местные причуды... Вернёмся к семье Абдула. Глава семьи построил добротный крепкий дом. Жена его домохозяйка. В молодости она рожала детей. А теперь ведёт хозяйство и ожидает внуков. Нас она угощает традиционным блюдом из национальной кухни. Это вареная говядина и изделия из теста. На столе также стоит соус, похожий на острую сметану.

Жена Абдула с нами приветлива, но кажется, что стоит нам выйти за дверь, она тут же забудет о нас. Впрочем, как и мы о ней. Я не могу вспомнить ее лица сейчас или голос. Только помню, как она сказала нам, чтобы мы не обращали внимания на скромность их жилища.

– Вы шутите? У нас средняя квартира по площади, как одна ваша кухня! – воскликнула Нина в ответ на жеманную реплику жены Абдула.

Мы потом ещё два заезжали в гости. Но с каждым визитом почему-то тем для разговора было все меньше и меньше. Наверное, по причине нашей с Ниной непохожести на местных жителей.

На базе стоял ветреный период. Это когда дует без перерыва и днем и ночью на протяжении нескольких дней. В этот раз дуло пять дней подряд. По утрам мы с усилием открывали тоненькую пластиковую дверь из нашей комнаты. Ветер завывал, как раненое животное, и не давал нам с Ниной выйти. Мы запирали комнату и, держась за руки или за перила, спускались по лестнице со второго этажа.

На рынке мы купили себе длинные юбки, чтобы почувствовать себя горянками. От ветра подол юбки иной раз вспрыгивал аж до пояса, напоминая сценку с Мэрилин Монро. Преодолевая шум ветра, мы болтали и упрямо шли к дому, который надо было убирать.

Этот маленький дворец предназначался для любимой внучки хозяина. Охранники говорили, она ни разу не приезжала в родной край деда, предпочитая Европу. Но хозяин, видимо, не терял надежды. В доме был бассейн. Мы с Ниной когда его увидели, испугались.

Представьте себе зал с высоким потолком и длинной глубокой ямой под ногами. Воды в бассейне не было. Все поверхности вокруг покрыты темно-зеленой плиткой. От наших шагов слышно эхо. Это место мне показалось похожим на морг или склеп. Эти помещения я всегда себе представляла именно так.

2.

Ко всему прочему, Абдул и Халид утверждали, что в этом доме бывают крысы, серые, голодные и злые. Абдул якобы лично слышал шебурушание в одной из комнат, а Халид видел следы их жизнедеятельности.

Зачем Абдул нагонял страх на нас в связи именно с этим домом, я так и не поняла. Крыс ни разу за то лето мы там не увидели. Но на всякий случай всегда прежде, чем зайти в какую-нибудь комнату, я громко топала ногами, чтобы предупредить тварь о своём появлении.

В спальне стояла чудесная кровать с балдахином из нежнейших прозрачных кружев. Это, действительно, было место, где могла бы видеть сны настоящая принцесса из сказки.

Как-то я увидела фотографию, на которой была запечатлена внучка хозяина. Именно ей предназначался этот маленький дворец, эта великолепная кровать и бассейн с малахитовой плиткой. Девушка не напоминала принцессу, нежную и красивую. Может, оттого, что имела по-мужски густые брови, а может, потому, что ее нос стремился заглянуть в рот?

С лица воды не пить! Скорее всего, она не похожа была на принцессу потому, что ее взгляд был бесстрашным, открытым, как у деда. В этом крае молодые девушки обладают грубоватой внешностью. Яркой, запоминающейся, дерзкой. В девчонках мало трогательности и доверчивости. Они безбашенные, и в обиду себя не дадут. Не все, конечно, а только те, с которыми мы познакомилась, работая на базе или во время наших вылазок в город.

Абдул проверял качество нашей уборки. Но не прямо, а исподтишка. Однажды я позже вышла утром из нашей комнаты, чем Нина. Она уже зашла в дом и принялась драить одну из ванных комнат. В этой ванной были зеркала во всю стену, стояла новомодная душевая кабинка. Нина опрыскала специальным средством все поверхности и начала протирать их мягкой тряпкой, пока капельки средства не высохли. Во всех зеркалах Нина видела свои отражения. В одних сбоку, в других со спины.

Несмотря на то, что было раннее утро, ей стало не по себе от причудливой игры зеркал. В какой-то момент, Нина резко обернулась и завизжала. Оказалось, что не все отражения зеркал были ее.

Из раскрытых дверей душевой кабинки вышел Абдул, который понял, что его заметили. Как ни в чём не бывало он потер пальцем развод на стекле дверцы:

– Хорошо убирайся, дочка, не халявь, – и вышел из ванной. Можете, себе представить, что я подумала, услышав визжащую Нину. Я как раз поднималась по ступеням к ней на второй этаж. Крыса? Крыса?! Крыса!!!

– Нина, что случилось? – закричала я и бросилась перескакивать через две ступени.

– Чего орешь? Нету тут никого! – сказал Абдул, шагая вниз мне навстречу. Он был сегодня не слишком-то вежлив.

– А Нина где?

– В ванной твоя Нина! Какие мы нервные!

Я влетела в ванную, представляя себе самые разные картины. Моя подруга не страдала излишней пугливостью. А крик до сих пор стоит в моих ушах. Нина сидела на краешке закрытого унитаза и смотрела на себя в зеркало.

– Что стряслось? – спросила я, пытаясь это понять по ее виду.

– Представь себе, этот старый дурень прятался в душевой кабинке и наблюдал за мной!

– Извращенец? – с сомнением произнесла я.

– Хуже! Он проверял, как мы убираем! А мы и не знали! Неизвестно, сколько раз Абдул следил за мной или тобой! Фу!

– Точно – фу! Противно! Теперь мне кажется, что я иногда замечала его слезку! Так недолго и свихнуться... Неужели нельзя прямо спросить или при нас проверить качество работы? – сказала я.

– Нельзя! Тут многие дела за спиной решаются, ты разве не заметила? – Нина уже успокоилась, – Карим тоже не может прямо сказать, приедет или нет, и когда!

Карим приехал. Через несколько дней после того случая с Абдулом. Накануне вечером смотрителя базы, видимо, предупредили о приезде хозяина. Поэтому Абдул был таким хмурым и суетливым.

Халиду он ничего не сказал о планах хозяина, только велел обмыть из шланга ступени на башне и собрать черные полиэтиленовые пакеты, летающие по базе.

В каждом местном магазине и магазинчике любую вашу покупку помещали в копеечный черный пакетик. Поэтому весь город в ветреный день превращался в город летающих пакетов. Эти черные птички долетали до базы, до моря.

И тогда Каспий тоже превращался в обитель полиэтиленовых пакетов. Некоторые из них, намочившись и вместив в себя воду, уже не в силах были подняться и продолжить свой полет. А иные счастливики успевали к обеду просохнуть и отправлялись обратно в город, подхваченные попутным ветром.

В то утро я встала рано. Нина спала на соседней кровати. На белой подушке вокруг головы расположились нимбом черные волны. Моя подруга почти всегда спала на спине: верный признак лидера. А я люблю спать на животе, уткнувшись лицом в подушку: верный признак ранних морщин. Только не в моем случае. Я белокожа и моложава. А вот Нина всегда предпочитает, что называется, быть сверху и не прятать лицо в подушку.

Правда, с Каримом это у нее слабо получалось. Может, поэтому она настолько была им околдована. Карим с безошибочным чутьем знал, как укротить Нину. На всех его поступках был налет таинственности. Он не звонил вовремя, забывал обещания. И не обязательно он делал это специально. Просто у него был такой стиль жизни, поведения.

Он и сам до последнего дня не знал, когда приедет на базу. Большая часть его решений зависела от воли хозяина. Владелец базы ехал сюда, значит, Карим тоже.

Центральные ворота – высокие, металлические створки автоматически разъехались. Это дежуривший сегодня охранник нажал на кнопку, увидев машины хозяина. Я стояла у окна и наблюдала, как с непривычной здесь на базе скоростью промчались четыре машины.

Впереди ехал джип, за ним два «Мерседеса» представительского класса. Замыкал кортеж ещё один джип. Все автомобили были черные, блестящие, пафосные. Они остановились у подножия башни. Из машин повыскакивали охранники и, без конца оглядываясь по сторонам, встали у входа в здание. Потом из первого «Мерседеса» вылез владелец базы – невысокий, коренастый мужчина. Он быстро зашёл в башню в сопровождении двух своих гостей.

Два охранника остались дежурить под дверями здания. Ещё один пошел в направлении пирса. Остальные расселись по машинам и медленно поехали к нашему с Ниной дому. На первом этаже прямо под нами было два гаража. Туда они, наверное, будут ставить машины, подумала я, и не ошиблась.

Ребята из охраны были местные, а потому шумные, говорливые. Только при хозяине они умудрялись молчать. Только на пирсе в одиночестве, всматриваясь в манящие зелёные волны, им не с кем было поговорить. Эти же, которым было велено ставить машины в гараж, не закрывали рта.

Я обернулась на Нину, уверенная в том, что она проснулась от их голосов. Нет! Подруга спала. Вчера мы с ней хорошо поработали. Даже заполнили бассейн водой, чтобы посмотреть, не пропускает ли он. Бассейн был исправен. Абдул милостиво разрешил нам поплавать в нем. Но мы не соблазнились. Когда есть море, зачем мертвый бассейн?

Я сообразила, что охранники отправились в столовую подкрепляться после долгой дороги, поэтому решила разбудить Нину:

– Вставай, там хозяин приехал. Надо уходить в дом убирать, чтобы не попадаться ему на глаза сейчас.

Это Абдул нас застрашал так. Говорит, владелец базы не любит чужих на своей территории.

– Сейчас, сейчас, дай проснуться, – проворчала Нина.

Она встала и подошла к окну. По пирсу вразвалочку прогуливался один из охранников. Расстояние было не близким, но Нина различила своего Карима по одной ей ведомым черточкам.

– Он приехал! Мой любимый приехал ко мне!

Нина обернулась ко мне. Смуглое лицо ее светилось. Что тут скажешь? Любовь!

– Хорошо, Нина. Только вы вечером сможете увидеться. Нам с тобой надо идти, – я попыталась мягко вернуть ее в жестокую реальность.

Я видела, что мои слова она не слышит. И дай ей волю, она выбежит отсюда, преодолеет за секунды это расстояние до пирса. Кинется ему на грудь. Наплевать ей на хозяина, наплевать на охрану. В этом вся Нина! Если она охвачена какой-то страстью, я ее боюсь.

Нина неукротимая, как дикий скакун. Неукротимая в любви и гнев. Поэтому я предпочитаю с ней не ругаться. Но только не сейчас. Мне не нужно, чтобы нас вышвырнули с базы, не заплатив за работу. Это на руку будет Абдулу. Он и пальцем не пошевелит в нашу защиту. Карим тоже не захочет объяснять дяде, что это не сумасшедшая, а его милая любовница – Ниночка.

Хозяин базы не обрадуется тому, что его племянник, не таясь, так открыто и нагло гуляет от жены.

– Нина, мы сейчас тихонечко выходим и отправляемся на уборку. Ты меня слышишь?

– Я на секунду к нему подойду! Хозяин не увидит. Думаешь, у меня совсем мозги набекрень?

Да, именно так я и думаю, но что толку? Как можно не заметить девчонку на безлюдной базе? Секундой Нина не удовлетворится. Её заметят все, начнут болтать. Вскроется обман Абдула. Деньги шефа он тратит вовсе не на профессиональные клининговые службы. Нанял двух студенток за гроши, а остальные деньги себе в карман сунул.

Хозяин его проучить может, несмотря на долгую его работу на базе. Я решила сыграть на тщеславии своей подруги.

– Нина, Карим знает, что ты здесь. Если он не пришел сразу, значит, не может! Или ты думаешь, что он не хочет? – спросила я с иронией.

На краткий миг лицо Нины перекосила злость. Потом она взяла себя в руки и холодно мне сообщила:

– Карим – мой мужчина, а я его – женщина, – она сделала паузу, – после работы он найдет меня.

Было бы неплохо, подумала я, если эти два голубка уединятся не в нашей комнате. Давно хотелось побыть одной. Мои надежды пошли прахом. Вечер пришлось провести с этой парочкой сумасшедших! Гулять по базе, пока шеф тут, слишком большой риск. Поэтому, когда Карима на пирсе сменил другой охранник, он завалился к нам.

Мы только вернулись из дома. Убирать там осталось совсем немного. Сегодня мы вычистили два самых больших по площади ковра и вынесли их на солнце, чтобы хорошенько просушить. И наполнить запахом моря, вытеснив затхлый аромат нежилого дома.

Ковры мы оставили на ночь на улице, изо всех сил надеясь на то, что дождя не будет. У нас было много шансов. Осадков на базе за все время, что мы тут, ещё не было. Ковры тяжёлые. Пока мы их вычищали и таскали, как-то не обращали внимания на это. Только теперь к вечеру наши руки начали ныть. Мы пришли в комнату усталые, потные и злые. Хотелось есть, но внизу в столовой было полно мужчин.

Абдул просил нас не светиться до их отъезда. Нина сразу пошла в душ. А я села на пол: внизу прохладнее, и прислонилась спиной к стене: она тоже чуть охладила тело. Я ждала своей очереди, чтобы пойти в душ. Шумела вода, и я еле слышала стук в дверь. Я медленно встала.

В последнее время у меня от резких движений или от непривычной жары этого края могла разболеться голова. Уже сделав шаг ко входной двери, я знала, кого увижу за ней. Мое сердце взлетело куда-то вверх, а потом мигом сползло в область пяток и больше оттуда не поднималось.

Я тоже была очарована мужским обаянием Карима. Моя разумная часть отдавала себе в этом отчёт и ограждала меня от безумств. Я не любила Карима. Я не завидовала Нине из-

за того, что он влюблен в нее. Я тихонько радовалась, что не мне страдать от разрыва с ним. А то, что разрыв будет – это ясно.

Карим женат крепко и навсегда. Так вот, я встала и открыла ему дверь. Как в вампирских историях: нельзя открывать дверь! Но я открыла. Потому что он пришел не ко мне. Только не догадаешься об этом. Кариму все равно перед кем расточать свои медовые речи. Нина в душе? Тогда он поговорит со мной...

Голос его бархатный. В руках у него пакеты с едой и питьем. Карим знает, чем увлечь голодных студентов. Мы целый день питались скудно из-за постоянного присутствия охранников на большой кухне первого этажа. Там стоял холодильник, была плита и микроволновая печь. Нина и я доедали сухие крекеры, допивали минеральную воду, и собирались совершить завтра с утра налет на холодильник. Там лежали наши с ней продукты.

– Еле сумел спасти ваши запасы от парней! – рассмеялся Карим, вытаскивая из пакета ананас и виноград.

– Так это не наше! У нас все скромно. Вот сыр, яйца, вареная курица, а всё остальное ты стянул у своих коллег!

– Зачем обижаешь? Не стянул, а угостился, – Карим обаятельно улыбнулся, сел в наше единственное кресло-качалку и закурил.

Послышались шаги. Нина вышла из ванны с тюрбаном из полотенца на мокрой голове. Вокруг тела она обмотала ещё одно коротенькое полотенце, которое еле держалось на ее груди. Нина прошлепала босиком, оставляя мокрые следы на солнечного цвета паркете. Подошла к креслу-качалке и села на колени к Кариму.

– Привет, – она поцеловала его и обвила шею руками.

Больше для Нины в комнате никого не существовало. Я пошла в душ. Очень сильно надеюсь на то, что свои любовные дела они закончат пока я буду мыться. Вода была чуть теплой. Нина всё истратила на себя. А котёл на базе подогревает воду не быстро. Зато напор освежающих струй отлично массировал и бодрил. Когда вода стала ледяной, мне пришлось выйти. Карим по-прежнему был в нашей комнате. Теперь он расположился напротив телевизора и смотрел футбольный матч. Нина сидела рядом с ним, но телевизор ее не волновал. Она смотрела на Карима. Изучала его красивое лицо, реакцию на происходящую футбольную баталию.

Он уже не слишком обращал внимание на Нину. Да, он соскучился. И пока я была в душе, он обнимал ее и ласкал. Но, удовлетворив свою тоску по ней, Карим с увлечением смотрел футбол.

Знакомы они с Ниной были почти год. Его чувства к ней стали привычными. Он любил ее, любил жену. Эти женщины стали его трофеями, добычей. Они принадлежат ему. Кариму теперь интересны новые завоевания. К Нине он начал относиться с раздражением.

Иногда не отвечал на звонки, часто переменял планы. Но заикнись Нина о том, что у нее новый ухажер, Карим такого бы не стерпел. Нина – его женщина. Отпускать он ее не собирался.

Итак, я вышла из ванной, а, значит, у нашей влюбленной пары появился зритель. И вот Нина опять садится Кариму на колени, начинает ворковать. Он ей отвечает тем же. Как будто не прошло года от их первых встреч. Всё хорошо, чувство свежо, как прежде.

Только Нина смотрит своими карими глазами в его черные. А Карим смотрит то на меня, то в телевизор. И видно со стороны, мне, что любовь доживает последние деньки. И даже Нина это чувствует. Уж больно исступленно она целует, уж больно навязчиво она обнимает. Матч закончился, и Карим встал с кресла, мягко ссадив Нину с колен.

– Я пойду, милые дамы... – сказал он и шутливо поклонился нам.

– Карим, Карим, ты же обещал искупаться ночью, забыл? – спросила моя подруга.

– В другой раз, любимая. Устал.

Я подумала, что Карим мог бы соврать что-то вроде необходимого дела или ночного дежурства на пирсе. Жалко было смотреть на Нину. И потом – он уйдет, а я останусь. С ней. Недовольной и несчастной.

Я разозлилась на Карима! Стоит себе на пороге и не уходит. Впитывает вон нашу реакцию, наслаждается. На тебе – реакцию! Нина подошла к нему и заявила, что пойдет в таком случае купаться ночью одна! И оборачивается на меня. А я что? Подруга же... Карим только плечами пожал и хмыкнул. Его шантажом не возьмешь.

– Смотрите, чтобы вас водяной не утащил, русалки мои! -Повернулся и вышел.

– Очень мне нужно это ночное купание! Я с Каримом хотела время провести! – Нина взорвалась.

– Ну, так не пойдем. Мне оно тем более не нужно! – я представила себе темные волны. И потом я жутко устала. Мне бы поспать!

– Нет, уж мы пойдем! Пусть охранники на нас пялятся в свои камеры. Мне плевать!

И мы пошли. Затворили тихонько дверь. Бесшумно спустились по лестницы со второго этажа. Несмотря на поздний час, в просторной столовой не спали. На диванах и диванчиках сидели, лежали молодые крепкие парни из охраны хозяина. Они смотрели телевизор. Играли в шашки и нарды. Кто-то ел вареное мясо. Карим уже успел спуститься. Расположился на тахте, курил. Хорошо. Нина может не ревновать его. Знает, что он в мужской компании.

А мы с ней свернули за дом и пошли мимо башни хозяина к морю. В башне тоже горел свет. Слышалась музыка, разговоры. Гости приехали. На небе – россыпь звезд. Луна яркая. Только стоять, задрать голову, и любоваться. Но нам нужно идти, чтобы Нина могла завтра хвастать перед Каримом своей независимостью. Захотела ночью купаться и, видишь, с тобой или без тебя, пошла! Ты, Карим, вовсе не обязательное условие моего счастья. Нашла, чем гордиться! Кому врёт? Себе? Или ему? Бесполезно...

А я зачем пошла? Поддержать. Теперь и расплачиваюсь за душевный порыв. Мне – страшно. Я днем-то боюсь моря. Восхищаюсь им, уважаю его силу и мощь. Но ночью? Оно меня пугает. Пусть его шёлк освещает лунная дорожка, все равно темно. Кажется, что перед нами огромное черное Ничто. И это Ничто нас поглотит, не даст нам выйти из него и вернуться на берег.

Нина взбудоражена, возбуждена. Брызги тёплых волн, ударяющихся о черные шероховатые камни, заигрывают с нами. Нина оглядывается на башню и смело заходит в воду. Неожиданно у меня родилась страшная мысль о том, что моя подруга решила утопиться. Только не это! Я при всём желании не смогу ее спасти.

– Нина, не делай глупостей! – закричала я, заходя в черную блестящую воду.

Нина – хорошая пловчиха. Если она надумала утонуть, то лучшего спутника, чем я, ей не найти. Стоит ей отплыть от меня к тому месту, где ноги не касаются дна – всё! Пиши пропало! После того, как, однажды, я чуть не захлебнулась, меня не влечет глубина. Тогда, находясь у берега, я перестала плыть и хотела встать. Подо мной оказалась пустота. Ощущение ужаса я не забыла.

– Какие глупости я ещё могу натворить? – зло расхохоталась Нина, – я люблю женатого! Хватит!

Речи ее успокоили меня, но Нина отвернулась от берега и поплыла. Было темно, море шумело. Я уже не видела ее. Зашла по колено в воду, потом по пояс. От страха мне казалось, что в воде кто-то касается меня. Вспомнились акулы, морские змеи, водяной!

– Нина, черт возьми! Нина-а-а!

И эта сумасшедшая вынырнула прямо передо мной! Я чуть в обморок не упала. Глаза у нее бешеные, волосы облепили лицо. Боже мой! Я пошла к берегу. Страх ушел. Села на песок и наблюдала, как Нина грациозно двигая бедрами, выбирается из моря.

Ночь такая теплая, что даже вытираться не тянуло. Тем более, что полотенца не было. Мы так хаотично собирались на пляж, ничего толком и не взяли. Нина села рядом со мной на выглядывающий из песка плоский камень и сказала:

– Ты хоть понимаешь, как мне больно? Карим – мерзавец! Он потерял ко мне интерес...

Ответа ей не требовалось. Да и что тут можно сказать? Что она красивая, молодая и умная? Все впереди? Так это и слону ясно. А что ей делать сейчас? Как терпеть?

На следующей неделе на базу приехал француз. Настоящий, живой француз из Франции приехал к нам, сюда на базу, населенную людьми с гор! наших гор. Это не Альпы, это – Кавказ, Северный, неукротимый. И тут – француз. Чего он тут забыл?

У хозяина была лодка на воздушной подушке. Дорогая, изысканная, французская. Ему ее или подарили, или он сам приобрел по одному ему ведомому поводу. Модельку европейских умельцев доставили на базу. Хозяин собирался проехаться на умной летящей лодочке по нашему дикому морю. Хотел справить удовольствие. Велел Абдулу найти человека, который покажет, как управлять заморским механизмом.

Человека такого не нашлось. Что делать? Хозяин летит на базу, а лодочка стоит в гараже и пылится, как хлам какой-то. Попробовали самые сообразительные в технике ребята из местных спустить на воду это чудо. Мы даже видели с Ниной, как это происходило пару недель назад.

Лодку вытащили из гаража. Она имела вид просторного катера, только формы не прямоугольной, а более округлой. Корпус ее стоял на серого цвета воздушной подушке, напоминающей огромный надутый спасательный круг. Внутри катера все было роскошно. Золочёные поручни, блестящие поверхности из красного дерева, белая эмаль.

В лодку забрался молодой парень, имевший репутацию человека, способного завести любой мотор любого транспортного средства. И он завёл. Лодочка резко дернулась и приподнялась над асфальтом на несколько сантиметров. Что-то загудело, зажжужало. Из под лодки во все стороны полетела пыль, песок, мелкие камешки. Да с таким напором, что окружавшие лодку человек десять любопытствующих, закричали. И потребовали немедленно выключить адскую машину.

Итог первого заплыва: синяки и ссадины на телах, мелкие дырочки и царапины на дорогостоящей воздушной подушке. Хозяин, узнав о порче своего имущества, лично вызвал француза с завода, изготавливающего эти лодки. Вот так у нас на базе очутился Клодо. Обычный такой мужчина лет 50. Одетый просто и удобно. Лысоватый, плотный. Говорю же, совершенно не бросающийся в глаза. Единственное, он ни бельмеса не понимал наш язык, а мы, соответственно, его. Главное, что он умел завести мотор этой лодки.

Как уж француз смог добраться до базы, для меня до сих пор непонятно. Естественно, что в аэропорту его встретили и довезли сюда. Но до нашего аэропорта бедняга как-то долетел... Если бы он знал, что ему предстоит увидеть здесь, наверное, он бы не соблазнился на обещанный куш, и отказался бы от этой поездки.

Клодо встречали на трёх автомобилях. В маленьком аэропорту хозяина базы знали все. Поэтому Клодо – его гостя обслужили быстро, сумев перебороть свою врождённую неторопливость.

Француз понял, что пригласил его не просто богатый человек, а известный и всеми уважаемый. Когда ехали на базу, Клодо сидел на пассажирском сидении роскошного авто, судорожно вцепившись в ремень безопасности. Впереди них дорогу рассекал первый автомобиль их кортежа, позади – третий. Они неслись так быстро и сигналили так отчаянно, как будто от их скорости зависела чья-то жизнь.

Поэтому Клодо преисполнился важности от порученного ему задания и подумал, что лодку необходимо поставить на воду в самом ближайшем будущем. Француз совершенно оказался не готов к тому, что его ожидало. Едва Клодо доставили на базу, о нем тотчас же забыли. Хозяин был занят улаживанием крупного местного конфликта среди нескольких семей своего

горячего народа. К нему на поклон ежедневно приезжали какие-то главы общин, представители разных кланов, ссорящихся между собой. В общем, ему было не до лодки.

Абдул принял со всем возможным гостеприимством приехавшего француза. Знаками объяснил ему, что к хозяину сейчас лучше не соваться. А потом занялся своими хозяйственными делами, предоставив француза самому себе.

Клодо поселили на втором этаже в соседней к нам с Ниной комнате. Вечером, когда стемнело, мы вышли на воздух. У нас теперь был, можно сказать, ночной образ жизни. Рано утром, пока все спали, мы пробирались к нашему рабочему месту, в дом хозяйской внучки. А когда владелец базы с охранниками выезжал в город, мы возвращались в нашу комнату. По ночам ходили на море. Я привыкла и уже не боялась темной воды. Правда, теперь у нас появился новый страх. Халид, садовник, сказал, что вечером по базе ползают змеи в поисках или лягушек, или крыс. Или девушек из Москвы...

Определенно, Халиду доставляло удовольствие наблюдать за нашими лицами, когда он в очередной раз пытался нас чем-то удивить. Верить ему или нет, мы не знали. Вроде он взрослый мужчина, зачем ему сочинять?

Так вот, в ту ночь, приоткрыв дверь и убедившись сквозь щелку, что на улице никого нет, мы выскользнули из нашей комнаты. Когда я проходила мимо соседней комнаты, кто-то дернул меня за подол длинной юбки. Я вскрикнула от неожиданности и резко обернулась.

Мы с Ниной уже привыкли к тому, что все комнаты на втором этаже, кроме нашей, пустые. Поэтому, представьте себе наше потрясение. На пороге своего нового жилища стоял Клодо. Расстрепанный, с глазами брошенной собаки мужчина взирал на нас, как на спасение.

– Please, ladies..., – коверкая слова, неразборчиво проговорил он. Нина в двух словах шепотом объяснила мне, кто это и, толкнув меня в комнату Клодо, плотно закрыла за нами дверь. Моя подруга знала от Карима о приезде француза. На плохом английском она рассказала Клодо, что происходит. Дескать, хозяин сейчас занят, но, как только освободится, то займётся своим французским гостем.

Вот так и получилось, что мы взяли Клодо себе в подопечные. Такой у него был потерянный вид. С утра его покормил Абдул, но с тех пор ему не давали ни есть ни пить. Охранники, слушая его непонятную речь, махали рукой и отворачивались. А те, что помоложе, ещё и гоготали от его акцента. Никто на базе не знал английский. Что уж тут говорить о французском!

Мне не нужны были заботы о Клодо. Хотелось скорее закончить с домом внучки, и, получив обещанные деньги, уехать в Москву. Но Нина обрадовалась. Теперь она могла под предлогом заботы о Клодо, почаще общаться с Каримом.

За то время, что прошло со дня приезда хозяина, Нина видела своего кавалера только два раза. Впрочем, второй раз – это вся вчерашняя ночь. Карим выпросил у хозяина автомобиль и возил Нину по ночному городу. Из поездки я ожидала ее в хорошем настроении, но подруга заявила, что они поссорились.

Карим сказал ей, что на днях прилетает его жена. Нина не сумела удержаться от ругательств в ее адрес, за что и получила строгий нагоняй. Карим никогда не позволял ей не то, что оскорблять свою жену, но и просто говорить о ней. Он даже предположить не мог себе, что Нина осмелилась прийти к его жене в дом. Тогда, полгода назад, когда он ещё горячо любил Нину, Карим простил бы ее выходку. Но сейчас, уже скорее всего нет! Почему смолчала его жена? Из женской солидарности? Из гордости? А может испугалась, что Карим уйдет из семьи, если его поставить перед выбором? И он действительно мог тогда, полгода назад уйти, но сейчас – уже точно нет!

А Нина, как ребенок, цеплялась за любую ниточку, чтобы не отпускать от себя Карима. После сообщения о скором приезде Саният, Нина совсем потеряла уверенность в себе. Такой неуравновешенной я ее не видела ещё. Только при разговорах с Каримом она держала себя в руках, старательно изображая покорность:

– Любимый, я не хочу тебя отвлекать, – тихо произносила она в трубку, – видишь ли, у этого Клодо только французские деньги... Может, ты отвезешь нас с ним в банк?

– Карим, ему надо бы продукты купить... Абдул совсем о нем не заботится...

– Он здесь совсем захирел. Может, вывезем его город посмотреть?

Надо сказать, что стратегию Нина выбрала верную. Хозяин разрешил Кариму брать машину и похвалил племянника за заботу о Клодо.

Теперь я заканчивала уборку внучкиного дома практически одна. Нина вместе с французом и Каримом проводила много времени за пределами базы. А я всё гадала, что же будет, когда приедет Саният, жена Карима.

По утрам я иногда сталкивалась с Каримом. Он был очень обаятельным со мной. Особенно, когда видел, как реагирует Нина на его лёгкий флирт. Всегда широко улыбался, показывая блестящие зубы. Шутил со свойственным ему остроумием, бархатисто смеялся, обволакивая окружающих своей лентой.

Карим напоминал своими повадками медведя, любил поспать, хорошо поесть, полежать. Движения его всегда расслабленного тела были неторопливые. Если он оказывался близко от меня, я чувствовала настоящую панику. Казалось, вот протянет он руку, обнимет меня. А вдруг я не устою? Каково это иметь в любовниках такого красивого, обворожительного и, главное, чужого мужчину? Жуть!

Всегда, когда Карим был в сантиметре от меня, словно из ниоткуда возникала Нина. И – цап его в свои ловкие руки, не отвертеться! С Саният так не получится... Саният сама будет цапать Нину.

По утрам со второго этажа спускался Клодо. Мы вчетвером наспех завтракали в большой кухне, пока охранники, почесываясь и потягиваясь, выползали из столовой первого этажа. Спали они все вместе, полуодетые, неухоженные, словно бездомные бродяги.

Обычно хозяин приезжал всего на пару дней, и охранникам не приходилось так долго и скученно жить на базе. Они разъезжались по своим горным селениям с хорошим вознаграждением, а потом потратив деньги, с нетерпением ожидали нового приезда хозяина.

В этот раз шеф задержался. Уже почти две недели прошло, а он ещё не улетел. И мы с Ниной не могли постоянно скрываться. Естественно, все, кто находился в те дни на базе, видели нас и Клодо.

Мы старались не сильно путаться под ногами на первом этаже. Быстро ели и отправлялись по своим делам. Нина в город с французом, я – на уборку дома.

В то утро Абдул подошёл ко мне и попросил убратсья в столовой и на этой кухне.

– Сама видишь, что эти мужики тут натворили... – оглядываясь на дверь, за которой сидели охранники, произнес Абдул.

– Вижу. Но мы так не договаривались. Вы нам платите за три дома. Мы их честно отдраили. Так?

– Так, так, дочка. Я и за первый этаж этот заплачу, идёт? – спросил Абдул, расстроившись.

Я согласилась. А когда он вышел, Карим рассмеялся:

– Бедный Абдул! Тебя на кривой козе не объедешь! Хотел денежку сэкономить, эх ты!

– Знаешь, Карим, вы вот сейчас в город рванете, а я здесь мыть буду всё. Может, мне ещё и приплатить за такое удовольствие? – я рассердилась.

Тем более Нина так себя вела, как будто ее совсем ничего не касалось. Только Карим ее интересовал. Мне это надоело. Я устала. А денег за свой труд ещё не видела.

Моя подруга вскипятила чайник, заварила чай, порезала лимон аккуратными кружками и положила на блюдце. Ей доставляла удовольствие эта церемония, потому что оба мужчины не сводили с нее глаз.

Нина была тщеславной и в горе, и в радости. Француз, как замороженный, следил за ее руками. А Карим, отвыкший за эту поездку от домашнего уюта, блаженствовал. Он ощущал себя в привычной атмосфере всеобщего обожания, которая окружала его с детства.

Любимый племянник хозяина, самый сообразительный и привлекательный. Его ожидало достойное будущее, не будь он так ленив и пресыщен женщинами да деньгами... Его дядя устал выискивать в племяннике инициативу и слегка отодвинул его от себя, от своих важных дел.

Ничуть не огорченный Карим влился в коллектив охранников, нисколько не жалея об этом. Ответственности мало, деньги пусть не огромные, все равно выплачиваются.

Но это я так рассуждала. Может, Карима раздирала гордость. Может, он глубоко страдал от того, что дядя отстранил его от себя, не поручал важных дел и разжаловал в охранники. Просто наблюдая за ним, мне такое на ум не приходило...

Во время нашего завтрака я уже не первый раз отметила, что Клодо с Каримом не ладят. Оба они знали английский язык весьма поверхностно, но и этого им хватало, чтобы выразить неприязнь друг к другу. Прошлый раз Клодо показал нам маленькую фотографию, лежащую в его бумажнике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.